

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

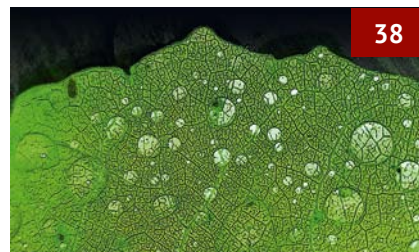
№9 (95), 2021

*Новый
социальный
порядок:
альтернативы*

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Бриллиант Победы
- 4** Александр АГЕЕВ, Сергей БАТЧИКОВ, Дмитрий МИТЯЕВ.
В поисках кода Победы: за флажки провального мейнстрима
(доклад Изборскому клубу)
ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ (стр. 5)
12 ЛЕТ СПУСТЯ: ТРИ ШОКА (стр. 6)
АРХЕТИПЫ ПРОШЛОГО В ПРОЕКЦИЯХ БУДУЩЕГО (стр. 10)
НАБЛЮДАТЕЛЬ И МОДЕЛЬ РАЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА (стр. 14)
ИРРАЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК (стр. 14)
НОВОЕ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ (стр. 17)
СОЦИАЛЬНАЯ ВСЕЛЕННАЯ В ОНТОЛОГИИ (стр. 18)
ВЫЗРЕВАЮЩАЯ ОНТОЛОГИЯ (стр. 20)
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ (стр. 24)
- 26** Хауке РИТЦ.
Метафизика физики
- 38** Пауль ШРАЙЕР.
Хроника объявленного кризиса. Как вирус смог изменить мир
(отрывки из книги)
- 50** Андрей СВЕТЛОВ.
На пути к цифровому рабству
- 62** Маринэ ВОСКАНЯН.
Базовый доход как экономическая эвтаназия
- 74** Валерий ЗАХАРОВ.
К суверенитету через гармонию
- 96** Игорь ГУНДАРОВ.
Социогуманизм: новая общественно-экономическая формация
- 108** Валерий КОРОВИН.
Новый имперский проект для России
- 116** Максим КАЛАШНИКОВ.
Окно в будущее
(продолжение, начало в № 5–8)
- 128** Александр ЕЛИСЕЕВ.
«Линейное время» и глобальная антисистема
- 136** Библиотекарь
- 137** Хронология мероприятий клуба
- 138** Пётр КАЛИТИН.
«Что — я-не-я?! Что есть любовь?!»
(стихи)

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** №9 (95), 2021 год

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Заместитель главного редактора — Андрей КОБЯКОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
По вопросам распространения: телефон +7(910) 421 92 07
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 02.11.2021

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ АМА-ПРЕСС»

Тираж 700 экз. Заказ № 1634

/ Александр АГЕЕВ, Сергей БАТЧИКОВ, Дмитрий МИТЯЕВ /

В поисках кода Победы: за флажки провального мейнстрима

Доклад Изборскому клубу

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Ещё задолго до объявления пандемии и стремительного каскада новых кризисов, в 2009 году, развернулась всемирная дискуссия о «новой (не) нормальности», были предприняты беспрецедентные меры по укрощению разбушевавшихся экономических стихий и стали выдвигаться идеи о «смене парадигмы» развития. Дисбалансы в экономике неизбежно вылились в геополитическую напряжённость, торговые войны, вспышки социально-политической дестабилизации внутри и между государствами. 2020 год ознаменовался мегакризисом, в котором одновременно срезовали несколько кризисов.

Осмысление сложившейся обстановки породило огромную научную библиографию и обширный массив официальных деклараций международных организаций и всевозможных саммитов. Признавая те или иные ракурсы фактуры кризиса, предлагая те или иные толкования причин проблем и инициативы в части «что делать», водопад этих документов не сменил «парадигму», которая является краеугольным камнем нынешнего мироустройства. Она, правда, названа, подвергнута всевозможной критике. Самые разнородные авторы в общем-то едины в главном: так жить дальше нельзя, опасно, бесперспективно. Толкования причин мегакризиса и предлагаемые решения разнятся. Это и создаёт то состояние турбулентности, перепутья, которое предшествует «смене парадигмы» и принципов миропорядка. Глобальная взаимосвязанность и неравномерно распределённая взаимозависимость позволяют на практике ключевым акторам искать как глобальные решения, так и локальные полумеры. В краткосрочной перспективе локальные выходы из тупиков кризиса кажутся некоторым выгоднее и, возможно, таковыми и являются.

Однако масштаб вызовов требует и соответствующего масштаба ответственности в действиях и мыслях.

Из недавних трудов по данной проблематике следует, прежде всего, упомянуть доклад сопредседателей Римского клуба Эрнста Ульриха фон Вайцзеккера и Андерса Вийкмана «Come on! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты», приуроченный к пятидесятилетию Клуба, установочный труд президента Всемирного экономического форума в Давосе, профессора Клауса Шваба об инклюзивном капитализме «Ковид-19: Великая перезагрузка» и новую книгу профессора, академика РАН Сергея Глазьева «За горизонтом конца истории»¹. Все они предложили оценки современной ситуации, последовательно отставимые и развиваемые авторами на протяжении десятилетий. В докладе «Come on!» акцент сделан преимущественно на алармистском предупреждении о тенденциях в экологической сфере в соответствии с изначальной позицией Римского клуба о «пределах роста». Клаус Шваб, по сути, предложил доктрину перехода к «цифровому тоталитаризму» под флагом «социально ответственного капитализма» с вовлечением в заботу о нем широких масс стейкхолдеров. С. Глазьев в новой работе расширил свои технико-экономические подходы междисциплинарным синтезом, включив лингво-исторический и политико-экономический волновой подходы. Все три работы являются не только научными, но и, вне всякого сомнения, доктринальными, идеологическими. При всех различиях указанных публикаций по многим принципиальным вопросам их общей чертой является недоговорённость. Эта недоговорённость означает необходимость продолжения поиска ответов на все ребром поставленные вопросы.

Очевидна потребность в наращивании междисциплинарности

в данной проблематике, в привлечении научного аппарата из сферы онтологии, гносеологии, антропологии, социальной психологии, теории игр и сложности. Это тем более важно в эпоху перехода от производства товаров и услуг к непосредственному производству коллективных и индивидуальных сознаний. Пришло время массового внедрения «конвергентных» (NBICS-) технологий. COVID-19 со всей брутальной отчётливостью демонстрирует перипетии амбициозной судьбы этого нанобиоагента в социальной, когнитивной, информационной и прочих средах.

Принципиально не соглашаясь с установкой проф. К. Шваба и его соратников (напоминающей идеи Л. Троцкого о «перманентной революции»), что у этой пандемии («новой нормальности») не будет конца, авторы настоящего доклада стремятся противопоставить «пессимизму ума», не успевающего в своих помрачениях за галопирующей действительностью, установку «оптимизма воли». Как бы ни был велик, долог и ужасен кризис, человечество всё-таки накопило и опыт выходов из казавшихся беспросветными тупиков, и пусть не в избытке, но всегда хватало и пророков, хотя и не всегда ценимых в своём отечестве.

Цель данной работы — продолжить «прорыв за флажки» устоявшихся, превратившихся в бесплодную апологетику «мейнстримов» обществознания, удерживающих любой ценой власть («дискурс») в экономике, истории, политике и проч. «Флажки», «красные линии» были когда-то установлены господствующими парадигмами, которые потому и господствуют, что извлекают «интеллектуальную ренту» из своего монопольного положения независимо от верности главному идеалу науки — истине. Они успешны до поры до времени хотя бы потому, что когда-то, побеждая, больше соответствовали критерию истинности, и находились пассионарные

¹ С. Ю. Глазьев. За горизонтом конца истории. — М.: Проспект, 2021.

апологеты для внедрения таких взглядов. Они весьма адаптивны, меняясь вместе с «линией партии». Но измена истине не проходит бесследно — вспомним Дориана Грея. И искажения в угоду догме делают навигационную систему такого «обществознания» заведомо порочной, а управленческие решения — чреватými катастрофическими последствиями или отказом от развития.

Однако задача перехода к новой парадигме не решается выдвижением нового «креатива», перестановкой слагаемых или заменой (ротацией) кадров. Системы, парадигмы вообще не сводятся лишь к элементам. Их корни уходят в онтологические и гносеологические аксиомы, сросшиеся со структурами социальных взаимосвязей и догмами в сознании индивидуальном и коллективном. В наше время это можно назвать «латентной партийностью», обслуживающей интересы господствующего общественно-политического строя, либерального по форме, но монополистического по сути капитализма. Вместо беспощадного выявления сути вещей и выбора пути к достойному будущему торжествуют спекуляции «держателей статус-кво», проевших настоящее до дыр, приватизировавших прошлое и нахлебывающих несбыточные планы на будущее. Это адептам «мейнстрима» в сложившейся ситуации делать легко, не неся никакой ответственности, освободив себя от экспертизы и критики, ошельмовав заранее всех оппонентов и монополизировав ключевые ресурсы для подпитывания своего надутого «всеведения».

Но, подчеркнём, задача создания новых парадигм не решается административным путём. Точнее, в истории такое случалось нередко, но нет ни одного примера, чтобы

последствия подобных решений не погребли под своими обломками «калифов на час». Чтобы задача была решена успешно, требуется в явном и непротиворечивом виде сформулировать альтернативную онтологию (картину мира) и гносеологию (метод познания).

Именно такую попытку и предпринял С. Глазьев в упомянутой выше книге. Однако в ней не артикулирована в явном виде ни онтология, ни гносеология новой парадигмы обществознания. Представлен ряд исследовательских сюжетов на примере русской истории, поставлена проблема «русского цикла» с акцентом на очередной срыв страны в смуту и «чудо» выхода из неё. Это само по себе исключительно важно для снятия одной из застарелых особенностей альтернативного обществознания России, которое наработало мощный обоснованный, но довольно пессимистический характер. Укажем в качестве показательного примера на труды А.А. Зиновьева², А.С. Панарина³, ряда других выдающихся мыслителей современности. Подход С.Ю. Глазьева отличается объективным историческим оптимизмом, что имеет не только научное, но и огромное образовательно-эмоциональное значение. Для С.Ю. Глазьева, как и для Е.М. Примакова⁴, нет сомнения, что глобализм, строящий мир без России («за счёт России и на обломках России»), неизбежно потерпит крах. Чтобы сумрачный проект неолиберального глобализма не обрёл мирового господства, как в своё время пытался сделать и проиграл свой чёрный проект нацизм, ему нужно противопоставить светлый глобальный проект. Если угодно, таковы требования высшего технического задания на разработку новой парадигмы.

То, что неолиберальный проект потерпит крах, ощущают не только его критики, но и адепты, за исключением самых идеологически зашоренных. Но у жрецов либеральной идеи в руках все виды власти и ресурсов, а главное — воля и желание сохранять свою гегемонию любой ценой — через шок и трепет, обман и пандемию, климатическую катастрофу, провоцирование внутренних распри и т.п. Битва «картин мира» обещает быть незабываемой. Она, строго говоря, уже началась. И идёт она не только как битва умов, но и как огромный и опасный эксперимент.

Тотальный шок — вот способ изменения мира капиталом и его адептами. Маски сброшены.

12 ЛЕТ СПУСТЯ: ТРИ ШОКА

Авторы данного доклада давно исследуют данную проблематику.

В 2009 году, когда у многих теоретиков и практиков появились иллюзии о выходе из кризиса 2007–2008 годов, одним из соавторов этого текста был подготовлен доклад для узкой профессиональной среды. В частности, в нём было сделано прогнозное предположение: «...на место “теневой финансовой системы” встанет мировая теневая ресурсно-силовая олигархия, которая будет управлять хаосом не через фьючерсы на нефть, а через поставки (отсутствие поставок) продовольствия и медикаментов, через контроль местных “вождей племён” на уровне доступа к элитному потреблению в относительно спокойных местах планеты»⁵. Тогда же одним из соавторов в сравнительном исследовании кризиса 2008 года и 1929 года был выявлен общий почерк не только хода кризиса, но и поведения властей. Отмечалась помимо прочего цен-

² А.А. Зиновьев. Русская трагедия. Гибель утопии. — М.: Издательство «Алгоритм», 2014.

³ А.С. Панарин. Искушение глобализмом. — М.: ЭКСМО: «Алгоритм», 2003.

⁴ Е.М. Примаков. Мир без России? — М.: Российская газета, 2009.

⁵ Д.А. Митяев. О динамике саморазрушения мировой финансовой системы (сценарии и стратегии). Возможности адаптации и выбор стратегии для России. Сценарно-игровой доклад. — М.: Издательство ИНЭС, 2009. С. 61.

ность изучения опыта реализации поэтапного управления кризисом 1929+ для реализации активной фазы «“Большого кризиса” 2007–20??»⁶. Были приведены невероятно совпадающие параллели двух кризисных периодов по критериям финансовой накачки спекулятивной сферы, перетока денежной массы из реальной экономики в финансовые пузыри, формирования ряда военно-криминальных режимов, одобренных властями финансовых пирамид, действий властей в качестве спускового крючка кризиса, сброса инфляции в другие секторы мировой экономики и распространения кризиса на другие страны мира, глобальные инсайдерские манипуляции, принудительная концентрация корпораций банковского сектора под контролем ФРС, последующее уголовное преследование ею избранных манипуляторов с назначением «виновных», победоносная война за рынки и нефть в особенности. В конечном счёте — радикальный передел международного и национальных рынков, перекраивание инфраструктуры, включая логистику товарных потоков, концентрация финансовых ресурсов в интересах ряда глобальных финансовых кланов. Завершалась публикация с налётом иронии: «Как заметил Остап Бендер, чья деятельность пришлась именно на эпоху глобального переустройства: Если у вас ещё нет седых волос, они будут». «Show must go on», — продолжил эту мысль Фредди Меркьюри».

В самом деле, теневую (офшорную) финансовую систему за прошедшие 12 лет монетарные и полицейские глобальные регуляторы поставили под плотный контроль. Финансовая система в целом «села на иглу» неограниченной денежной эмиссии ФРС и ведущих центробанков. Смысл этой эмиссии не только в поддержке хронически дефицитных бюджетных и платёжных балансов США и других стран

Цель данной работы — продолжить «прорыв за флажки» устоявшихся, превратившихся в бесплодную апологику «мейнстримов» общественознания. «Флажки», «красные линии» были когда-то установлены господствующими парадигмами, которые потому и господствуют, что извлекают «интеллектуальную ренту» из своего монопольного положения независимо от верности главному идеалу науки — истине. И искажения в угоду догме делают навигационную систему такого «обществознания» заведомо порочной, а управленческие решения — чреватými катастрофическими последствиями или отказом от развития.

Запада, но и в перераспределении активов в пользу близких к источникам эмиссии структур — прежде всего, инвестфондов типа BlackRock, Vanguard и др., глобальных банков и надуваемых капитализацией гигантов IT-индустрии (FAGMA), каждый из которых котируется сегодня выше триллиона долларов.

Монополизация этих ключевых секторов глобального рынка беспрецедентна: на долю Google приходится больше 80% глобальных поисковых запросов, Amazon держит две трети западной интернет-торговли и облачных вычислений, на долю Facebook приходится больше половины активности глобальных социальных сетей и т.д. Всё это облегчает учёт и контроль транзакций, приводит к объективной социализации на новой технологической основе. Характерно, что именно «социализм» — самая популярная идеологическая модель для современной американской молодёжи (по опросам 2020 года), как и для широкого круга западных интеллектуалов.

Старый мир с его «мягким» (финансово-информационным) регулированием уходит, передавая де-факто эстафету распределительной (ресурсно-силовой) системе постака-

питализма, что и объявлено во многих манифестах и книгах, включая «Великую перезагрузку» (Great Reset) К. Шваба. То, что названо «глубинным государством» (или «болотом» — по Трампу), вышло в прошлом году из тени и, не стесняясь ничего и ничего, свалило Трампа и реализует новую шоковую терапию — в этот раз для Америки и стран Запада (под соусом и флёром пандемии). Шоков, может быть, будет несколько. Но важен результат — тотальный контроль. «Цифровики», как весьма талантливая когорта «программеров», взращённая не без поддержки банкиров и спецслужб, вместе со своими деловыми партнерами претендует на верховную власть. BigTech + BigFarma + BigMedia — вот формула этого «монстра», сфабрикованного ФРС и другими центробанками через раздувание пузырей капитализации.

В упомянутом докладе 2009 года были обозначены прогнозируемые шоки. Среди них, **во-первых, «шок развала мировых рынков труда, товаров и услуг** (например, как следствие глобальной пандемии — *подчёркнуто нами сейчас*). Развал международного товарооборота приведёт к тому, что выиграют страны (сообщества стран), которые имеют

⁶ А.И. Ареев, Е.Л. Логинов. New Deal — 2008 — «новая сдача». Блудные ученики Франклина Рузвельта. — Экономические стратегии. 2009, № 2. С. 31–36.

сбалансированный набор базовых отраслей (АПК, лёгкая промышленность, машиностроение, энергетика и др.), — Европа, Китай, отчасти США, НАФТА. Россия в этой ситуации будет вынуждена провести быстрое и болезненное (квоты, талоны и проч.) импортозамещение по продовольствию и по рынку труда.

Добавим комментарий из 2021 г.: «Профессионалы в области биологии предупреждали в 2005 г. о риске биологической войны в интервале 2015–2025 годов. Нынешняя «гонка вакцин» скрывает процесс распада рынков, подобно «гонке на лафетах» в СССР начала 1980-х годов, но логику переформатирования и развала рынков не отменить, да её не особенно и камуфлируют».

Во-вторых, шок утраты доверия к действиям ФРС и американского минфина — развал мировых рынков капитала. Этот отказ «последнего двигателя» лайнера мировой финансовой системы, почти наверняка предопределяющий «сваливание» в штопор «жёсткого сценария» (быстрого сноса системы), предполагает «аварийные» действия всех игроков: бегство капитала из «ядра системы» в попытках спастись в тех или иных реальных активах.

Комментарий из 2021 г.: «Как и прогнозировалось в докладе 2009 г., триггером распада финансовых рынков станет резкий рост доходности облигаций США, которые учитывают сценарий гиперинфляции. Хотя движение и было отложено на 12 лет за счёт надувания невиданных ранее «финансовых пузырей», оно в 2021 г. возобновилось после полного исчерпания возможностей абсорбирования ликвидности в этих пузырях».

В-третьих, шок развала мировой информационной системы (прежде всего, интернета). Если под влиянием какой-либо «пандемии компьютерных вирусов» интернет развалится на несколько зон либо будет во всемирном и страновом масштабе взят «под колпак» (по образцу Китая), глобальные масс-медиа (типа CNN, Bloomberg и др.) потеряют выход на те два миллиарда человек, которые сегодня имеют доступ в глобальное информационное поле...⁷

Комментарий 2021 г.: «Акцент в докладе 2009 года был сделан на СМИ плюс интернет. Но традиционные масс-медиа за последние годы потеснены технологическими гигантами и социальными сетями — вместо CNN, Bloomberg царят Google, Apple, Facebook, Amazon и проч. Да и под-

ключённых к сети уже не два, а пять миллиардов человек. Распад интернета пока не начался, хотя подготовка идёт. Об этом ярко свидетельствуют отключения от соцсетей миллионов пользователей начиная с действовавшего ещё президента США Трампа, а также регионализация пространства интернета вследствие регуляторных мер».

Таким образом, как мы видим в 2021 году, первый шок (развала товарных рынков) реализовался в значительной мере, второй шок (развала финансовых рынков) — на повестке дня, сегментация интернета — близкая перспектива. Вместе с тем происходит и распад мира на «медицинские зоны»: страны, их блоки, отдельные регионы не признают вакцин друг друга и опускают «железные занавесы» под предлогом защиты своего населения от всё новых штаммов страшного вируса.

В докладе 2009 г. был также сделан прогноз последствия этих шоков: «Вариант распада мировой системы на ряд валютно-товарных зон, обмен между которыми будет ограничен поставками сырья и продовольствия (один из сценариев Давоса-2009), будет означать возврат к режиму воспроизводства, знакомому нам по сосуществованию двух мирохозяйственных систем (Запад и СЭВ), только этих зон будет в этот раз больше:

- 1) Атлантическая (США, Англия, Канада, вероятно, Япония и ряд других стран, ориентированных на доллар);
- 2) Европейская континентальная (Франция, Германия, Италия и кого они с собой возьмут), ориентированная на евро;
- 3) Азиатская (ориентированная на юань);
- 4) Ближневосточная (разрываемая на нефтедолларовую арабскую и евроориентированную иранскую подзоны);
- 5) Латиноамериканская (разрываемая между Америкой и Китаем);

Приход Байдена к власти несёт попытку перезапуска неолиберального шока («капитализма катастроф») для всего мира и реализации варианта будущего № 1 — постлиберальный (тоталитарный) порядок с переходом к постчеловеку («служебному человеку») в жёсткой упряжке социального контроля через социальные сети и «безусловный базовый доход». Всё это подаётся в обёртке прогресса и трансгуманизма, социальной и экологической ответственности ТНК, которые де заменят государства и построят «новый прекрасный мир» капитализма стейкхолдеров — без собственности и с имплантированным населению ощущением счастья.

⁷ Д.А. Митяев. О динамике саморазрушения мировой финансовой системы (сценарии и стратегии). Возможности адаптации и выбор стратегии для России. Сценарно-игровой доклад. — М.: Издательство ИНЭС, 2009. С. 85.

6) Интернациональная «теневая» (отлучённые от других зон «грязные капиталы», сосредоточенные ранее в офшорах);

7) Евразийская (ориентированная на рубль)»⁸.

Валютно-товарные зоны за 12 лет так и не оформились — кроме трёх первых, но и они (доллар, евро, юань) ещё не разошлись и связаны нефтедолларом, глобальными финансовыми институтами, остатками международного права и ялтинско-хельсинкского миропорядка. Доля доллара в международных расчётах и резервах постепенно падает, но инерция глобальной валютной системы велика. Фунт стерлингов перестал быть мировой резервной валютой только по итогам Второй мировой войны, хотя США превосходили Британию по размеру ВВП ещё в 1880 году и формально были готовы принять эстафету валютного мирового гегемона в 1913 г., за 30 лет до фактической смены гегемона⁹.

Как в начале XX века ключи от мировой финансовой системы находились в Лондоне, остававшемся и в 1930-е годы всё ещё валютным гегемоном в условиях полной раз-

балансировки и мировой торговли, и мировых финансов, закончившейся лишь вместе с мировой войной, так и сегодня они погромождают в Вашингтоне. Именно там, где центр мировой валютно-финансовой гегемонии, обычно принимается «роковое решение» об «управляемом сносе» мировой финансовой системы в случае, если издержки её сохранения становятся непосильными. В своё время издержки сохранения Британской империи (включая золотой стандарт, военные базы по всему миру, открытые в рамках империи рынки, защита коммуникаций) стали вдруг непосильными для Лондона. Но вспомним, что это решение принималось через множество переговоров и конфликтов 30 лет. Помимо решимости покончить с непосильной ношей требуется готовность и желание нового гегемона принять эту эстафету. И добавим: условия передачи эстафеты предполагают определённые привилегии предшественнику в новом статусе. И отсюда появляется риск его попыток вернуться в новых формах к привычным технологиям международного влияния. Стоит напом-

нить, что проекты мироустройства, которые разрабатывались и в США, и в СССР в 1943–1945 годах, которые были отчасти закреплены в решениях Ялтинской и Потсдамской конференций о создании ООН и мировых экономических регуляторов, в приговорах Нюрнбергского и других судов над военными преступниками, рассчитывались на реалистичный «срок годности» в 25 лет, то есть — до 1970 года. США удалось дважды этот срок годности своей гегемонии продлить. В наши дни речь идёт об их способности сделать это в третий раз, но при существенно изменившемся соотношении мировых сил и при высокой вероятности нетривиальных комбинаций трансформации гегемонии.

Логично, что только Британия решилась сегодня на откол от «континента евро» в попытке реструктурировать под себя Ближний Восток и сохранить плацдарм в Азии (хотя Гонконг уже в орбите Китая). Искушение попытаться сохранить себя в форме (крипто) империи слишком велико. Тем более значение финансовой системы как управляющего звена глобальной мир-системы снизилось. Сегодня совсем иной статус у правил обмена информацией (социальные платформы и экосистемы), правил допуска через границы и к определенным видам занятий (вакцинации).

Если «снести» традиционную финансовую систему и успеть инсталлировать «цифровые деньги» (кошельки граждан и организаций непосредственно в центробанках), этого будет достаточно, чтобы (при сохранении и упрочении социальных сетей) на порядок-два усилить реальный контроль и нормирование поведения населения.

Приход Байдена к власти несёт попытку перезапуска неолиберального шока («капитализма катастроф») для всего мира и реализации варианта будущего № 1 —

⁸ Там же, с. 88–89.

⁹ См. А. Агеев. Смена гегемона. М., 2016.

постлиберального (тоталитарного) порядка с переходом к постчеловеку («служебному человеку») в жёсткой упряжке социального контроля через социальные сети и «безусловный базовый доход». Всё это подаётся в обёртке прогресса и трансгуманизма, социальной и экологической ответственности ТНК, которые заменят государства и построят «новый прекрасный мир» капитализма стейкхолдеров — без собственности и с имплантированным населению ощущением счастья. Пока такая «имплантация» кажется фигурой речи, обозначая внушение. Но от неё рукой подать до буквальной имплантации. Более того, имплантация во все не единственный и не самый эффективный способ воздействия на индивидуальное сознание.

Но этот вариант будущего отнюдь не единственный.

В докладе 2009 года была представлена логика борьбы вариантов будущего и их «движущих сил», включая архетипы личности (господствующие контуры индивидуального сознания) и проекцию этих контуров на общественное сознание, диалектика которых раскрыта в книге С. Глазьева «За горизонтом конца истории»¹⁰.

АРХЕТИПЫ ПРОШЛОГО В ПРОЕКЦИЯХ БУДУЩЕГО

В докладе 2009 года была поставлена показавшаяся кому-то слишком теоретической проблема самовоспроизводства (индивидуального или коллективного) в истории и будущем: «...политико-экономический термин «воспроизводство» выступает аналогом религиозного «спасения» или военной «стратегической инициативы». Если любой субъект не хочет и/или не может воспроизводиться, если его оставила «жизненная сила», он уступает своё пространство и время другим субъектам, способным осуществлять витальный цикл «здесь

и сейчас». Мы (семья, организация, страна) сможем сохранить свою целостность и жизнеспособность в любом варианте будущего. Более того, мы уже сегодня воспроизводим себя (бессознательно), исходя из того или иного варианта будущего. Вскрыть вечные архетипы личного, корпоративного и странового поведения, образы будущего (вечного) в нас и наших социально-экономических системах — значит сделать тот или иной вариант будущего реально-стью, воспроизвести себя как «образ и подобие» того, кем ты хочешь быть».

Были показаны две наиболее вероятные модели мира, пробивающие себе дорогу в реальности: 1) Глобалисты победят и смогут переформатировать мир/человека; 2) Произойдёт распад глобальной информационно-финансовой инфраструктуры и «каждый будет спасаться в одиночку». Обе модели — «постлиберализм» и «распад» — были рассмотрены че-

рез призму их ключевых личностных архетипов.

1. Воспроизводство постлиберального капитализма

Архетип потребителя («краеугольный камень» глобальной и виртуальной антицеркви «казино-капитализма» конца XX века) будет, несомненно, воспроизводиться в большинстве из нас, пока мы подключены к порталам всеобщего медиапространства, задающего смыслы и повседневные циклы нашего существования. Это относится ко всем уровням социальной иерархии: от сверхэлитного потребления яхт и особняков верхушкой чиновничества и бизнеса до поглощения сериалов и продукции поп-культуры на уровне обывателя. Это очень древний («дремучий») архетип «члена стада» [самый глубокий контур психики, по Р.А. Уилсону, — биовыживательный. — прим. 2021 г.], который

¹⁰ С.Ю. Глазьев. За горизонтом конца истории. — М.: Проспект, 2021. С. 382–388.

всегда превалировал в человеческом обществе: склонность к сбережению умственных и физических усилий, перекладывание рисков и ответственности за собственное существование на других (воинов, жрецов и торговцев).

Потому-то капитализм и стал тотальным феноменом, подчинив себе все сферы жизни, что он позволил большинству продать себя «золотому тельцу», снять с себя (как в «Легенде о великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского) невыносимое бремя выбора, отдав «свободу борьбы за существование» за отсутствие борьбы — но без собственно существования. *Постлиберальная модификация* архетипа потребителя означает лишь, что вместо жизни в кредит приходит *кредит жизни* как таковой. Это — «условная собственность», которую можно в любой момент отобрать и которая встречается не только в современной России. Дарованные жизнь, имущество, права и привилегии, существование милостью господина присущи многим эпохам и типам отношений — от прямого рабовладения до вассальных и самурайских ритуалов Средневековья. Разница лишь в том, что нынешний господин — всеобщ и невидим, а амбициозные рейтинги «самых богатых» или «самых влиятельных» нередко скрывают настоящих «гномов» всевластия.

В построенной К. Марксом триаде (личная зависимость — вещная зависимость — свободная индивидуальность) в среднем звене исторической и логической цепи (зависимость от «мёртвого труда» или капитала) именно архетип потребителя блокирует саму возможность перехода к свободной индивидуальности, воспроизводя добровольную личную зависимость от того, что можно назвать «Великое Ничто» (в отличие от «Великого Нечто» как имени Бога) — несвободная неиндивидуальность или тотальная (запрограммированная) посредственность, растворённая в толпе со «средними» вкусами и желаниями, воспроизводит свою

тотальную ежеминутную зависимость от вещей, гаджетов, своего «человеческого капитала».

В 2021 году мы видим, что более чем годичная дрессура обывателя локдаунами и другими ограничениями, часто сумбурными и абсурдными, приводит к фиксации архетипа потребителя на предметах и паттернах поведения безопасности — в ряде стран Запада уже больше двух третей населения требуют обязательной вакцинации, хотя по состоянию на начало 2021 года таковых было менее половины в странах Западной Европы.

Такое негативное снятие исходного тезиса либеральной свободы — провал в архаику «защищённости» в новом сверхопасном мире, последний акт продажи: обмен своих внутренних ресурсов и сил «самостоянья человека» на какое-нибудь место, «виртуальный шесток», «рейтинг» в ресурсно-силовом информационном капитализме.

Подобные модели виртуализации всего и вся реализуются уже и в сферах, которые ранее были прибежищем человеческой индивидуальности. Например, олимпийские чемпионы сегодня на протяжении восьми лет (пока производятся все новые допинг-тесты по новым методикам на новые препараты — всё это время кровь спортсменов хранится в банке данных) являются «условными чемпионами» и в любой мо-

мент могут с позором быть свергнуты с олимпа. Чемпионы бизнеса могут задним числом быть подвергнуты остракизму за старые прегрешения, вскрытые «вдруг» многочисленными контролёрами от государства и аудиторами. Вплоть до каждого индивида с презумпцией принадлежности к террористам, преступникам любого сорта и изгоем.

За последние 12 лет мы видим успешное развитие практик WADA из нулевых годов — теперь уже и в политике (BLM), в СМИ и масс-медиа, в социальных сетях, и в экономике — например, отключение от торгов в феврале 2021 года мелких трейдеров компании Robinhood, когда они посмели играть против больших хедж-фондов.

Целые страны и народы также могут быть в любой момент подвергнуты остракизму за попытки вырваться из данного сценария будущего. *«Карфаген должен быть разрушен!»* — будет вновь греметь под сводами Сената (в этот раз американского) и, может быть, в зале ЦК КПК, которая (партия) вполне может принять (при определённых условиях) правила игры постлиберального (ресурсно-силового) капитализма, как сегодня она принимает неолиберальные правила в той их части, которая способствует процветанию Поднебесной.

Комментарий из 2021: «Замечательно, что этот прогноз не сбывся

В 2021 году мы видим, что более чем годичная дрессура обывателя локдаунами и другими ограничениями приводит к фиксации архетипа потребителя на предметах и паттернах поведения безопасности. Такое негативное снятие исходного тезиса либеральной свободы — провал в архаику «защищённости» в новом сверхопасном мире, последний акт продажи: обмен своих внутренних ресурсов и сил «самостоянья человека» на какое-нибудь место, «виртуальный шесток», «рейтинг» в ресурсно-силовом информационном капитализме.

Фрагментированное мировое пространство и время в глокализованном варианте будущего будут напоминать своего рода глобальную Индию, в которой разные касты живут не просто в разных столетиях и даже тысячелетиях, но в разных мирах и вселенных: для одних вообще нет прошлого и будущего, есть только сегодня, в котором надо искать пропитание. Нет и никакого мира за оградой своего местечка. Для других — бесконечность, отсутствие всяких границ в пространстве и времени, вечные истины философии и религии.

в отношении КНР — за 12 лет существенно укрепилось военно-политическое сотрудничество РФ с этой быстро растущей страной; но применительно к США прогноз был точен: волны санкций и русофобской истерии обеспечили тот двухпартийный консенсус, с которым нам приходится иметь дело с 2014 года».

Кто и что будут назначены Карфагеном виновными — вопрос в значительной мере риторический: ресурсы же надо будет у кого-то брать.

Поэтому данный вариант будущего наименее благоприятен для страны с максимальным ресурсным потенциалом, если только эта страна не успеет до прихода этого будущего вступить в коалицию с одним из главных центров силы. Но поскольку данный вариант есть продолжение (усиление) глобальной «игры с отрицательной суммой», объявленной полвека назад Римским клубом, то такая коалиция может означать лишь временное резервирование запасов для последующего освоения (поедания) на условиях сильного. Такова перспектива в будущем «номер 1».

Комментарий из 2021 г.: «Эта перспектива была декларирована в явном виде К. Швабом».

Воспроизводят это будущее сегодня не только толпы ведомых (пассивных) закредитованных потребителей, но и носители других древних архетипов:

— *воины (кшатри) капитала*, защитники его «незыблемого права» присвоения продуктов труда и интеллекта, отнюдь не «воины света» (духа), но и не «воины тьмы» (сатанисты или масоны), а «воины тени», своего рода «люди пещерного огня» (если считать всеобщей пещерой современный глобальный город), пришедшие на смену «людям земли» (первым капиталистам-лендлордам), затем «людям моря» (капиталистам времён венецианского, голландского и британского владычества) и ныне ещё господствующим «людям воздуха» (по А. Неклессе), которые сумели продать столько «воздушных замков» и «цветных снов» (революций), что оставили своим наследникам только следы от пиршества проеденных будущих десятилетий;

— *жрецы капитала* (политики, идеологи, шоумены, юристы и др.),

которые будут практиковать ритуалы постлиберализма (бегства от реальной жёсткой «первой жизни» в виртуальные «вторую, третью и т.д. жизни») во всех сферах, подчиняя культуру, язык, быт понятиям выживания (как в позднесоветское время мы жили под гипнозом слогана «лишь бы не было войны»), а поскольку в этом будущем войны и прочие катаклизмы будут нарастать, то «религия безопасности» заменит нынешнюю «религию процветания»...;

— *древний архетип торговца*, который предшествовал капиталу, ещё до расцвета ростовщичества принимая на себя риски обмена, ведя бесщётные сухопутные и морские караваны, преобразуется в этом варианте будущего, после краха фондового, валютного и деривативного казино, в «архетип полиция»: если нельзя честно и открыто торговать товарами или играть на бирже (т.е. торговать деньгами и их производными), будем торговать людьми и их производными (мы это имели в системе распределителей, более жёсткие режимы были в войну в гетто — суть одна: торговля «послаблением режима»);

— *архетип пирата и террориста* как санитара для мира капитала превращается в «архетип ночного ареста» — в потаённый ужас каждого «простого человека»: вдруг система его случайно (по тем или иным косвенным признакам или по ошибке) превентивно признает «мыслепреступником», и он будет исключён из числа условно добропорядочных (допущенных к тем или иным стандартам потребления) гражданам и подвергнут *декапитализации?! [см. пророческий фильм «Джокер» 2019 г.]*¹¹

И в этом будущем в пустыне неокочевников-монад (Ж. Аттали),

¹¹ Может возникнуть вопрос — неужели нет ничего положительного в этом мире ресурсно-силового капитализма, рекламной картинке Давосского мира? Есть, очевидно, как было много позитивного в неолиберальном мире: туда, куда не смогли добраться щупальца тотальной меркантилизации, где сохранялись традиции или идеалы. В метафизическом (религиозном) смысле для спасения души достаточно «отключить себя от Матрицы», уйти в аскезу, молитву, деятельное «сорботничество с Богом». В практическом же плане... контригра может состоять в построении нересурсных и несиловых хозяйственных контуров взаимодействия, той «новой» и «сверхновой» экономики, которая присутствует в настоящем и вполне конкурентоспособна. Элементы 6-го технологического уклада есть и в России, как и институты солидарной или интегральной системы общественных отношений.

воинов из частных армий, жрецов с Капитолийского холма, торговцев жизнью и смертью, детей-пиратов будут существовать оазисы («монастыри», кооперативы и ассоциации, «фабрики мысли» и «нанопроизводства»), в которых не виртуальные финансы, не ресурсы и не сила будут иметь верховную власть, а чудом сохранённые архетипы истины, веры и красоты, которым нет дела до прихода «последних времён», т.к. последними эти времена становятся только для тех, кто продал своё будущее (и свою душу или вечную жизнь, как считают верующие люди) за «чечевичную похлебку» жизни только «здесь и сейчас»¹².

Этот моральный пафос доклада 2009 г. не отменяет трезвого анализа шансов и способов построения альтернативного мироустройства — в глобальном и локальном вариантах, — тем более что простая альтернатива Давосу (самоизоляция стран-цивилизаций и локальных общин) означает варваризацию мира. А задача состоит в том, чтобы сохранить базовые качества цивилизации и совершить восхождение к новым высотам не только в узких рамках «малых феодов».

Вторая модель, видевшаяся в 2009 г., условно обозначена как «распад». Речь шла о «глокализации», т.е. режиме «полураспада мира» на технологические (NBICS-), валютные и вакцинные зоны.

2. Воспроизводство глокализованного мира

В варианте распада единых мировых рынков (труда, капитала, товаров и услуг) равновесие будет восстанавливаться на каждом из локальных рынков отдельно. При этом режим восстановления равновесия каждой зоны будет разным: финансовые (деривативные) механизмы в атлантической зоне; регулятивные

(согласовательные) в европейской континентальной зоне; планово-директивные (патерналистские) — в азиатской зоне. К какой зоне примкнёт Россия — пока неизвестно, поскольку режимы воспроизводства для нашей страны в глокализованном мире зависят от соотношения сил «атлантистов», «европейцев» и «азиатов» в элите и населении.

Вероятен вариант и глокализации самой России: одни анклавов будут управляться атлантистами (по дарвинистским законам «дикого капитализма»), другие — патерналистами (по жёстким нормам «азиатского способа производства»), а третьи — «последними европейцами» (по нормам экономики согласования, в том числе социального). Пока у нас больше шансов «впасть в ересь» последней крепости неолиберализма (всемирный офшор, которому «все завидуют», но в котором мало кто хочет жить). Однако анклавный характер экономики нам хорошо знаком по 1990-м годам, когда «корпорация-дом Газпром» и отдельные крепкие регионы (патерналистская модель) соседствовали с яростным хаосом «бригад» малого бизнеса, и ещё были остатки согласительной экономики.

Фрагментированное мировое пространство и время в этом варианте будущего будут напоминать своего рода глобальную Индию, в которой разные касты живут не просто в разных столетиях и даже тысячелетиях, но в разных мирах и вселенных: для одних вообще нет прошлого и будущего, есть только сегодня, в котором надо искать пропитание. Нет и никакого мира за оградой своего местечка. Для других — бесконечность, отсутствие всяких границ в пространстве и времени, вечные истины философии и религии.

Сколько сможет прожить человечество в таком состоянии внутреннего распада на несколько «челове-

честв»? Пример Индии показывает, что такая система может жить очень долго. Но при определённых предпосылках, которые вряд ли пока сложились применительно к «глобальному человекиннику» (А. Зиновьев): распадение на маток-цариц, рабочих муравьёв, «солдат» и проч. пока представить себе (в рамках жизни нынешнего поколения) довольно трудно»¹³.

После грандиозного эксперимента изоляции и депривации целых стран и континентов в локдаунах пандемии ковид-19, мощной дрессуры на предмет покорности любым (даже нелепым) правилам и ограничениям, включая прямое нарушение основных прав человека, заявленных в Декларации ООН, и конституционных свобод на национальном уровне, вопрос пластичности общественного и индивидуального сознания проявился с новой силой. Если когда-то за 10 лет нацизма в Германии воспитали поколение, отдававшее свои юные жизни за фюрера даже в момент штурма имперской канцелярии, то нельзя ли за пару-тройку лет пандемии «выковать» новое человечество, где человек человеку не брат и даже не враг (волк), а просто вирус, которого надо бояться и избегать любым путём?!

«Нормальность» российских граждан, психологический иммунитет, устойчивость к паранойе действий и слов регуляторов и СМИ пока не вызывает большого опасения. Попытка «цифровых пропусков на выход из дома» в Москве летом 2020 года с треском провалилась, как и кратковременное буйство регуляторики летом 2021 г. с QR-кодами для визитов в рестораны и музеи. Но каждая попытка даёт данные для обучающихся систем контроля, а главное — расшатывает явные и подсознательные границы допустимого и недопустимого по-

¹² Д.А. Митяев. О динамике саморазрушения мировой финансовой системы (сценарии и стратегии). Возможности адаптации и выбор стратегии для России. Сценарно-игровой доклад. — М.: Издательство ИНЭС, 2009. С. 105–110.

¹³ Там же, с. 111–112.

ведения как людей, так и властей, создаёт новые разломы, страхи и раздражение в общественном сознании. Как пелось в бардовской песенке — «а как станешь заряжать, всем захочется стрелять...».

Цена пандемии для России высока: в 2020 г. депопуляция (превышение смертности над рождаемостью) превысила 600 тысяч человек, за первый квартал 2021 года — ещё 250 тысяч. В 2020 г., если называть вещи своими именами, страна потеряла 500 тыс. человек сверх скорбной меры прошлых лет. Частично от самого ковида, частично как следствие переключения ресурсов здравоохранения с главных факторов смертности — сосудистых и онкологических заболеваний, частично в результате сложившейся психоинформационной обстановки страха перед коварной неизвестностью мутирующего вируса с бесконечными новыми штаммами.

В 2009 году доклад сознательно не был закончен. И в то время за образ будущего развернулась непримиримая борьба — и видимая, и невидимая; и физическая, и духовная. Требовалось осмысление главного вопроса: после путинского «*Зачем нам мир без России?*» — его зеркального отражения «*Зачем Россия нужна миру? Что может дать миру Россия перед растущей угрозой обрушения миропорядка и в его ходе?*»

Прежде чем перейти к выработке требуемой, соразмерной энергетике России картины мира (онтологии), рассмотрим проблему Наблюдателя — какими глазами и какими методами мы видим и осмысливаем мир. Ведь как мы его видим — так мы его и (вос)создаем. Доминирующая модель «человека» здесь играет решающую роль.

НАБЛЮДАТЕЛЬ И МОДЕЛЬ РАЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

До недавнего времени социология видела отношение форм и содержания личности через призму антропологии Просвещения. Она проникнута механистическим детерминизмом модерна, уходящим

корнями в ньютоновскую картину мира. В этой картине человек представляется как механический атом идеального газа (*индивид*), в крайней степени абстракции это аналог «материальной точки» в механике Ньютона.

В либеральной социологии и политэкономии это *Ното есепотичес*, ведущий конкуренцию («войну всех против всех» в рамках закона), обладающий «духом расчётливости» (*calculating spirit*) и принимающий рациональные решения на основе обработки достоверной информации. В продвинутой форме в XX веке эта концепция дала модель человека как *кибернетической машины*, адекватно отвечающей на внешние стимулы социальной среды согласно простым алгоритмам (*behaviorism*). Но если человек (как и общество в целом) — всего лишь машина, его можно (и нужно, если и где это выгодно) заменить роботом (там, где получится) или киборгом (там, где человек может себе позволить продление жизни через протезирование внешних и внутренних органов).

Из этого представления о человеке следовал логичный вывод, что при изменении социальных форм (и, следовательно, системы внешних стимулов) человек *рационально* реагирует на него и делает выбор, *оптимизируя* свои действия, — вступает в борьбу против изменений, адаптируется к новым условиям, «убегает» от них или видоизменяет их «партизанскими» методами. Почему изменяются условия, в данном случае не важно (причиной могут быть силы стихии, нашествие завоевателей, борьба интересов внутри общества и проч.). Здесь главное, что человек — *объект* воздействия на него социальных форм, и его поведение детерминировано этим воздействием.

В радикальной форме этот тезис выражен в марксизме как *примат производственных отношений* (экономический детерминизм), или, более обобщённо, — в формуле «*бытие определяет сознание*». Такой рацио-

нальный подход (как в либерализме, так и в его внешней противоположности — марксизме) привёл к доктрине возможности (и необходимости) «воспитания нового человека»: дайте человеку достойные (конкурентные в либерализме, солидарные в марксизме) условия жизни — и он станет «правильным». Позитивизм в науке привёл к позитивизму в политике и социальной практике: Великая французская революция и за нею Наполеон с его Кодексом и «нулевой» мировой войной показали обратную сторону позитивизма. Успешное низвержение французской монархии как следствие триумфа просвещения, и террор как следствие неизбежного социального раскола стали долгоиграющими прецедентами и блистательным мифом, превратившимся в легенды и примеры для подражания.

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Оппоненты доктрины Просвещения отвергали механистическую модель, указывая на присутствие в человеке *непознаваемого* (и *невывражаемого*) — архетипов коллективного бессознательного, совести, табу и традиций. Этим объясняли «иррациональную» склонность людей к сопротивлению социальным нововведениям.

Такое отрицание механистического детерминизма на деле было симметричным ему, принадлежало к той же парадигме. Активным агентом во взаимодействии и здесь были социальные формы, и человек, который испытывал их давление, просто оказывался машиной менее «прозрачной», нежели предполагали механицисты. Многое в нём приходилось помещать в «чёрный ящик», для которого было изобретено множество метафор, например, — о «загадочной русской душе» или о «духе протестантизма» как источнике успешного предпринимательства.

Это видение диалектики социального и личного господствовало почти весь XX век, несмотря на потрясающие провалы всего этого интеллектуального аппарата. При-

мерами, не поддающимися удовлетворительному объяснению в рамках этой доктрины, могут служить: русская революция, совершённая вопреки историческому материализму (как выразился Грамши, «революция против «Капитала» Маркса»); немецкий национал-социализм, итальянский фашизм, франкизм; «красный Май» 1968 года; перестройка и реформа в СССР, «бархатные» и «оранжевые» революции последних 20 лет, китайский социализм... Все эти явления, многие из них глобальных масштабов, совершенно не укладываются в парадигму Просвещения и отвечающую ей модель взаимодействия *социального и личного*.

Альтернативные концепции стали складываться в ходе созревания упомянутых выше катастроф. В России Достоевский дал пророческую художественную версию *постклассической* модели (историки науки не без оснований считают, что он в своём языке и логике предвосхитил Эйнштейна, не говоря об экзистенциализме). Достоевский наблюдал и зафиксировал

парадоксальные процессы в психике и поведении людей в условиях глубокого кризиса фундаментальных форм социального бытия и глубин личной эволюции. В его модели человек не только *не машина*, но даже *и не система определённых стабильных элементов*. Для упрощения, в качестве аналитической абстракции, он представил человека как «семью Карамазовых» — всех одновременно, включая Смердякова. Такого человека можно уподобить ядру атома. Но даже простейшая формула молекулы воды таит изотопы, пригодные для термоядерных реакций. В самых тяжёлых элементах, открытых к сегодняшнему дню, «остров стабильности» измеряется долями секунды. А ядро урана в определённом количестве при умелом ударе извне порождает энергии колоссальной силы! Так и человек отвечает, вольно и невольно, на воздействие изменяющихся социальных форм, следуя своим внутренним состояниям и интенциям. Предсказать вектор и силу его ответа в случае глубоких сдвигов, внезапных

стрессов зачастую не просто трудно, но и невозможно. «Широк человек», как заметил классик. Хотя и многое изучено, например, П. Сорокиным, даже это знание с трудом вовлекается в оборот общественознания.

Отсюда вывод: **изучение социальных форм вне контекста состояния людей «в данном месте и в данный момент» в большинстве случаев ведёт к ошибочным выводам.**

Можно ли было ожидать исходя из рационально изученных прецедентов, что разумные и культурные немцы в 30-е годы превратятся в архаический фанатичный народ, одержимый невероятной страстью и энергией занять своё «место под Солнцем»? Конечно, постфактум нашлись те, кто это «предчувствовал», искал знаков у Ницше, в древних рунах, в шифровках Парсифаля, космологии или музыке Вагнера. Всё это именно постфактум и очень зыбко. В 1990 г. реально никто из самых информированных советологов, не говоря о Горбачёве, не ожидал, что через полгода СССР *вдруг* рухнет сам. Постфактум стали говорить о кризисе, о «жажде демократии», о «чудо-оружии» Запада, о неизбежности «гибели империи», о проекте «Голгофа» и т. п. Это детский лепет, хотя известно — младенец глаголит истину. Какая-то грань сложной трансформации улавливается в этих метафорах, осмыслена в теории катастроф. Но переходя на язык антропологии, увидим — СССР рухнул потому, что при той стратегии и тактике изменения («реформирования») социальных институтов, которые запустил Горбачёв под флагом «социализма с человеческим лицом», из критической массы советских людей, и не только в кремлевских коридорах, вырвался не Алеша Карамазов, а Смердяков и его интеллектуальный помощник Иван Карамазов. То, что страну этот термоядерный социальный взрыв не разнёс окончательно в клочья, связано, наверное, с тем, что где-то были живы и Алеши Карамазовы.

Не ожидали, ошибка вышла. А возможно, и не стоит ограничивать исполнителей «семьёй Карамазовых». Не поработал ли здесь, засучив рукава, и сам Великий инквизитор?

Абсолютно никто в СССР не мог предположить, что в результате перестройки советский генерал, командир элитной дивизии стратегической авиации Дудаев, поэт Яндарбиев, гидролог Басаев, драматический актёр Закаев и партийный работник Радуев станут организаторами террористического криминального квазигосударства и проявят на этой ниве выдающиеся организаторские способности. Ещё больший конфуз вышел со строительством «капитализма с человеческим лицом». Вместо просвещённого предпринимателя с протестантской этикой из-за спин академика Сахарова и поэта Евтушенко вылезли мошенник и бандит. Под ручку со Смердяковым они еще покажут себя так, что даже «самые добрые либералы» станут звать на помощь Сталина из могилы.

Да так оно уже и есть — видим мы из пандемического 2021 года, когда на самых драконовских мерах принудительной вакцинации и карательной социальной психиатрии истерично настаивают «записные либералы».

Из эмпирического опыта русской революции (коммунизма), фашизма, нацизма, тоталитаризма всех мастей, а также перестройки (импорта либерализма) вытекает довольно беспощадный тезис: в процессе стремительных социальных изменений может возникнуть динамическая сложная система социальных форм и психического состояния людей. Кооперативные эффекты и взаимовлияния в этой системе настолько сильны, что вызывают быстрое «переформатирование» ценностей, рациональности и образа действий больших масс людей. Человек действительно гораздо более пластичен, «широк», чем предполагала антропология модерна.

В то же время человек гораздо более активен, субъектен, чем пред-

полагает исторический материализм и либерализм. Как только происходит дестабилизация прежних социальных форм, и возникают зоны хаоса, активные общности и субкультуры начинают интенсивно *проектировать* новые формы, соответствующие их интересам, и *толкать* неустойчивое равновесие в нужный коридор. На выходе возникают формы, поражающие и общество, и «архитекторов». Рушатся привычные представления о «национальном характере», архетипах коллективного бессознательного, традициях и т. п. То, что считалось устойчивым цивилизационным (*культурно-историческим*) типом, меняется на глазах, вызывая отвращение и страх у одних, восторг и практически наркотическое опьянение у других.

Так, в момент русской революции всех поразило, как русский народ «сбросил маску» православного *народа-богоносца*. Один этот факт породил в значительной части российской интеллигенции русофобию, которая жива уже целый век. Точно так же, в 1991-м, в 1993-м, в 1996-м и позже, и правые, и левые были поражены тем необъяснимым равнодушием, с которым трудящиеся встретили действия, лишаящие их фундаментальных социальных прав — причём прав вполне реальных, действующих и отвечающих *шкурным* интересам подавляющего большинства, — а взамен не получив ничего из того, что, согласно теории, полагается желать трудящимся. Это, кстати, во многом предопределило беспомощность всей левой оппозиции. Не меньший сюрприз ожидал и националистов — их патриотическая риторика и апелляции к традициям не вызвали ожидаемого мощного народного отклика. О либералах и говорить нечего — поведение большинства из них так и не стало «рыночным», а частная собственность так и не стала ни ценностью, ни институтом, превратившись в переходящий трофей, срок обладания которым зависит вовсе не от «эффективности бизнеса».

Демонтаж социальных форм «эпохи Сталина» и переформатирование советского человека в «проекте Хрущёва» ознаменовали и сдвиг от «страны мечтателей, страны героев» к культурно-историческому типу «советского обывателя». Видимо, вопреки намерениям архитекторов «оттепели» (хотя и вариант сознательного демонтажа основ советской системы, наверное, со счёта сбрасывать нельзя) возникла самонастраивающаяся «машина» по демонтажу советской системы. Сравнительно небольшое изменение социальных форм (изменение цели в новой программе КПСС на потребительскую) активизировало совсем не ту ипостась человека, которая намечалась как доминирующий тип, заложив «двоемыслие» и расщепление социального сознания и бытия. Дальнейшее изменение социальных институтов пошло уже под давлением ценностей и интересов этой «раз-

буженной» Хрущёвым ипостаси советского человека. Процесс был столь быстрым, что, например, буквально на глазах «союзы творцов» (типа Союза писателей, театральных деятелей и др.) превращались в «ассоциации потребителей».

Перестройка Горбачёва как проект предполагала создание *контролируемого хаоса* с интенсивным строительством новых социальных форм, которые должны были послужить аттракторами для установления нового, более либерального общественного строя. Вопреки этому плану (или в соответствии с теневым планом) возникли и окрепли совсем другие, «странные» аттракторы, которые втянули в себя запущенные перестройкой процессы и привели страну к национальной катастрофе. На длительный срок стабилизировались патологические социальные формы и была деформирована система ценностей и норм поведения больших масс населения. Кризис превратился в «историческую ловушку», и удовлетворительного проекта выхода из неё пока не предложено.

Таким образом, механистические концепции взаимодействия социальных форм и реального сознания (и поведения) людей имеют очень ограниченную познавательную ценность. Они позволяют давать правдоподобные объяснения прошлым событиям в периоды сравнительно медленных изменений социального порядка, но бессильны в моменты революций и социальных катастроф. В этот период «фазовых переходов» социальное сознание из расслабленного («газообразного») состояния конденсируется в жидкость, а «социальное вещество» (материя повседневности) становится ломким и рвётся в клочья.

НОВОЕ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ

Поскольку мир уже втянулся в период нестабильности, кризисов и неопределённостей, инструментарий для анализа, синтеза и предвидения социальных процессов должен быть

кардинально обновлён. В него должны быть включены блоки анализа процессов, происходящих в когнитивной сфере человека (восприятие, изучение и понимание реальности, рефлексия и проектирование будущего) и в системе его ценностей.

Неклассические представления (Ницше, Достоевский, Фрейд, Гамши) должны быть освоены в контексте новой реальности, а также дополнены «*постнеклассическими*» подходами, развиваемыми начиная с 1960-х годов (Лири, Уилсон, Гелл-Манн). Это можно уподобить синтезу релятивистской и квантовой механики. Это позволит сформулировать работающие конструкции **нового обществоведения**.

Новое обществоведение не может отказаться от рациональности Просвещения и опереться на аппарат постмодернизма, вообще отрицающего проблему истины и устойчивые центральные «тексты» когнитивных структур. Обществоведение, основанное на мозаичной культуре, на каком-то одном принципе, вырождается в оголтелую пропаганду и столь же одностороннюю политику.

Мы видим структуру обществоведения, адекватного задачам ближайших десятилетий, как систему знания, имеющую в качестве методологической основы рациональность Просвещения, на которую надстроены неклассические подходы, дополненные представлениями квантовой

логики и ситуативными моделями постмодернизма. Повестка дня этого обществоведения задаётся общим кризисом индустриализма (либерального капитализма), в котором уже живёт всё человечество. От этого кризиса не ускользнёт никакое общество, никакая культура — независимо от уровня развития, военной силы и экономического богатства. Запад, затратив огромные ресурсы, вошёл в постиндустриальное информационное пространство — и забуксовал. Социальное пространство «общества знания» переформатировали «под себя» прежде всего антисоциальные субкультуры (как терроризм и преступный мир), а также спекулятивный капитал, создающий кризисы как свою питательную среду, и индустрия массовой культуры, манипулирующая человеком. Эти силы подорвали надежды на светлое, лучшее будущее, в котором системообразующую роль играл бы университет как накопитель, транслятор и генератор знаний и ценностей. Центральное место заняли *биржа и невидимые коллегии «мудрецов»*, быстро оснащаемые технологиями нейронных сетей, системами искусственного интеллекта.

Население западного (и русского, ставшего периферией западного) общества освоило новые информационные возможности потребительски, как средство развлечения, шопинга и всевозможных удобств. «Цифровые следы» (аватар,

Механистические концепции взаимодействия социальных форм и реального сознания (и поведения) людей имеют очень ограниченную познавательную ценность. Они позволяют давать правдоподобные объяснения прошлым событиям в периоды сравнительно медленных изменений социального порядка, но бессильны в моменты революций и социальных катастроф. Поскольку мир уже втянулся в период нестабильности, кризисов и неопределённостей, инструментарий для анализа, синтеза и предвидения социальных процессов должен быть кардинально обновлён.

рейтинг, лайки) человека превращаются в главную «ценность» в виртуальном мире.

Новаторская практика создания «гибридных» социальных форм с целенаправленной активизацией соответствующей ипостаси человека (культурно-исторического типа) реализована в Советском Союзе 1920–1950 годов. Именно синергия взаимодействия новых социальных форм и необычных качеств «нового» человека объясняет *советское чудо* той эпохи — форсированную индустриализацию 30-х годов, Победу во Второй мировой войне, создание мощного научного потенциала, новую послевоенную индустриализацию с выходом на ракетно-ядерный паритет. Западное (и советское) обществоведение по идеологическим соображениям игнорировало этот опыт. Деидеологизированное изучение «эпохи Сталина» в рамках поставленной темы исключительно актуально¹⁴. Такое изучение показывает, что феномен советской цивилизации и «советского человека» необъясним в рамках классической онтологии. Была рождена новая картина мира — мира оптимистического, поддающегося революционным преобразованиям, был создан образ будущего, разработаны рациональные способы его достижения, сформирован тип активного, честного советского человека. Как и всё новое и практическое, этот процесс не был идеальным, однозначным. И «социальный тип» в теории не означает его распространения на всех и каждого из граждан СССР, среди которых найдём многое из карамазовского спектра и не только. Но опыт социалистической эпохи и в наши дни осмыслен недостаточно. Более того, он стал едва ли не главной мишенью в развернувшихся войнах памяти. И мишенью для шельмования стал именно советский идеальный тип личности, что примечательно.

Живучесть и устойчивость постсоветского общества в катастрофи-

ческих условиях 90-х годов, когда резко выросла смертность и упала рождаемость, когда доходы большинства населения рухнули, оказались тем не менее поразительными. Пережить это состояние без распада общества народы постсоветских республик смогли только через интенсивное и чаще всего самодеятельное (часто по принципу «вопреки») творчество новых социальных форм, быструю активизацию доиндустриальных традиционных институтов и переформатирование духовной сферы по образу «жителя партизанского края».

На постсоветском пространстве по факту было испытано множество моделей кризисного жизнеустройства, и успех самых эффективных моделей был достигнут за счёт синергического эффекта новых социальных форм и новых когнитивных структур. Далеко не все из них негативные.

СОЦИАЛЬНАЯ ВСЕЛЕННАЯ В ОНТОЛОГИИ

Картина мира классической физики задала не только естественнонаучную рамку (онтологию) реальности Нового времени. Её создатель сэр И. Ньютон был также (что символично) основателем новой глобальной финансовой системы. Как директор Лондонского монетного двора, он на рубеже XVII–XVIII веков организовал перечеканку всей наличной звонкой монеты Британии, привязав её к выпускаемым только что созданным Банком Англии (1696 г.) облигациям. Это создало на два столетия устойчивую глобальную монетарную систему и обеспечило господство Британской империи, ставшей кредитором (и военным покорителем на эти кредитные средства) едва ли не всего мира.

Онтология (картина мира) Ньютона опиралась на открытия Аристотеля и Эвклида, которые задали рамку простейших (линейных) пространственно-временных измерений, в которых мыслит себя разумный

субъект в принципиально познаваемом мире. Онтология Ньютона соответствует историческому оптимизму эпохи Возрождения, дав (вслед за пророческими открытиями да Винчи) простор научной, а вслед за ней промышленной революции, а также серии политических революций (от Славной революции в Англии до Великой французской революции). Тем самым Новая антропология была дополнена Новой онтологией, возник резонанс Ренессанса не только в искусстве, но и (спустя сто лет) в экономике и (ещё через сто лет) в мировой политике. Миропорядок стал соответствовать созданной для него в идеологическом контуре онтологии.

В экономике *Ньютонова онтология* (монетарный порядок «честных денег») восходит к идеям Аристотеля об экономике как домостроительстве в противоположность хрематистике как самовозрастанию стоимости. Но взятая на вооружение правящим классом Британии эта «честная» онтология Ньютона парадоксальным образом позволила ограбить Индию, Африку (через вывоз миллионов рабов в Новый свет), другие территории, совершить тот взлёт капитализма, который обновлял производительные силы каждые 50–70 лет путём последовательной смены движущих (сквозных или базисных) технологий в энергетике, транспорте, промышленности, торговле и финансах (то, что Н. Кондратьев назвал длинными волнами, К. Перес — технологическими парадигмами, С. Глазьев — технологическими укладами). Изнанкой этого миропорядка равновесия и прогресса является «право сильного»: война всех против всех, ведущая к атомизации общества как плате за прогресс разделения труда, а также к постоянно растущему «естественному» неравенству.

К. Маркс совершил переворот в понимании глобального порядка, опираясь на учения Дарвина («естественный отбор» как принцип направленности прогресса, нерав-

¹⁴ Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. — М., 2021.

новесия) и французских социалистов-утопистов («собственность есть кража», по Прудону). Маркс предложил новую онтологию Капитала как самовозрастающей стоимости. И в марксовой, то есть в пост-Ньютоновской картине мира, нет «честных денег» (равновесия как в природе), а есть постоянный грабёж прибавочной стоимости, созданной трудом, прикрытый отношениями отчуждения рабочей силы от своего владельца. И отсюда гуманистический идеал марксизма — политическая, социальная и духовная эмансипация человека, преодоление отчуждения от его природы.

Марксова онтология определила динамику XX века с его каскадом войн и социальных революций по поводу неэквивалентного обмена с переделом рынков, попытками упразднения частной собственности, установления идеологической монополии. Причём упразднение собственности шло не только через прямую экспроприацию, но и через её обесценение (инфляцию товаров, труда и капитала). По сути, Марксова онтология стала прообразом «теории социальной относительности»: чем больше масса богатства и чем быстрее оно растёт, тем выше энергия социального взрыва, накопленная системой (аналог формулы $E=mc^2$). Законы Ньютона действуют и в этой социальной вселенной «классовой борьбы», но тут они являются частным случаем: равновесия нет и быть не может, оно есть мимолётный момент постоянной тенденции к укрупнению (монополизации), концентрация капитала является изнанкой разделения труда и ведёт капитализм к собственной гибели.

Идеал «нового человека» в марксизме (антропология) остался лозунгом, однако социальная практика реализации марксистских идей дала

Онтология эпохи постмодерна — онтология монетизации всего, по сути это и есть Онтология алхимии. Эта онтология постепенно перестроила миропорядок под себя: если можно напечатать («создать в колбе») для себя богатство, то победителем (и героем) становится тот, кто стоит ближе к источнику эмиссии и умеет им управлять. Платой выступает разрушение социума, человека и самой планеты как целостных и самоценных систем: в свете алхимии они подлежат расплаву в колбе в руках Мага. На наших глазах эта Онтология превращается из колбы в гроб: экзистенция индивида и общества предстаёт как высшая из свобод.

в середине XX века тот тип человека («советский человек» 1930–1950 годов), который точно не вмещался в ньютоновский мир равновесия и порядка, хотя и опирался на него.

Третья онтология (эпохи постмодерна) К. Поппера¹⁵, фон Хайека¹⁶ и М. Фридмана¹⁷ (неолиберальная или «открытого общества») получила свой бестселлерный культовый эквивалент в романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи», а также в массовых тиражах Наполеона Хилла с его доктриной успеха. На деле произошла реставрация доньютоновских (средневековой схоластики) представлений о мире как «игрушке Бога», только на место Господа был поставлен «золотой телец» как вершина индивидуального успеха в стихиях «невидимой руки рынка».

Логичным развитием этой онтологии стал «капитализм катастроф», блистательно описанный Наоми Кляйн¹⁸. Онтология монетизации (утилизации) всего, до чего удалось дотянуться (стран, людей, идей, времени — как прошлого, так и будущего), по сути это и есть Онтология ал-

химии. Недаром одним из верховных жрецов этой секты сегодня сльётся автор «Алхимии финансов» Дж. Сорос. Культовой историей (для подростков) стала история Гарри Поттера о мире магов и маглов, а для взрослых — всяческие комиксные герои, населившие «фабрику грёз» — Голливуд.

Эта онтология постепенно перестроила миропорядок под себя: если можно напечатать («создать в колбе») для себя богатство, то победителем (и героем) становится тот, кто стоит ближе к источнику эмиссии и умеет им управлять (присваивать). Банкир и цифровик (эмитент третьей реальности как криптоактивов) стали де-факто властелинами мира. Изнанкой этой онтологии становится сбрасывание большинства в бедность (в том числе интеллектуальную) и архаику. Труд больше не нужен для богатства и власти. Трудников так много, техника столь совершенна, инфраструктура настолько сверхценна, что можно и средний класс обнулить, и создать страховку стабильности в виде «безусловного базового дохода».

¹⁵ К. Поппер. Открытое общество и его враги. — М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992.

¹⁶ Хайек, Фридрих Август фон. Дорога к рабству. — М.: Новое издательство, 2005.

¹⁷ М. Фридман. Основы монетаризма. — М.: ТЕИС, 2002.

¹⁸ Н. Кляйн. Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф. — М.: Добрая книга, 2009.

Уже в 1930–1960 годы сформировался (на базе преодоления Великой депрессии и общей борьбы с нацизмом как абсолютным злом) прообраз оптимистической картины мира: всеобщее образование, социальная справедливость, приоритет тех, кто воплощает архетипы воинов, врачей и инженеров над архетипами барыг, гедонистов и «потребителей сферы услуг». Именно такая Онтология привела к прорыву человека в космос, обузданию ядерной энергии, излечению от множества болезней, освоению и благоустройству Ойкумены, к формированию социальных государств, развитию среднего класса.

Платой выступает разрушение социума, человека и самой планеты как целостных и самоценных систем: в свете алхимии они подлежат расплаву в колбе в руках Мага. Возвращение магии как массовой социальной практики компенсирует ослабление религиозных институтов как следствие многовековой секуляризации.

На наших глазах эта Онтология превращается из колбы в гроб: эвтаназия индивида и общества предстаёт как высшая из свобод. Если можно напечатать богатство — без труда, таланта, земли и (даже) капитала, то тем более в этом виртуальном миропорядке легко впечатать чип («в чело века»), сгенерировать вирус или любой иной цифровой код. «Пластичность» природы и социума пока позволяет творить такие эксперименты. Не потому ли *инфернальность* входит в моду, особенно среди подростков — жертв скулшутинга?

ВЫЗРЕВАЮЩАЯ ОНТОЛОГИЯ

Какая онтология вызревает на обломках торжествующей (= близкой к своим «зияющим высотам») «алхимической»?

Заявленная К. Швабом программа включает в себя помимо прочего воз-

врат к марксизму: никакой частной собственности (для подавляющего большинства), «ответственные» (перед новыми эко-комиссарами) компании, всеобщий учёт и контроль, благо цифровые технологии это позволяют. Тотальный интернационал-экологизм, современное издание троцкистской программы «перманентной революции» в глобальном масштабе и на новых полях сражений — вот, по сути, дух конвенции «инклюзивного капитализма».

Есть ли альтернатива этому новому тоталитаризму?

Она есть, её не может не быть — об этом набат Колоколов истории¹⁹.

Уже в 1930–1960-е годы сформировался (на базе преодоления Великой депрессии и общей борьбы с нацизмом как абсолютным злом) прообраз этой оптимистической картины мира: всеобщее образование, социальная справедливость, свобода от угнетения какими-либо эксплуататорами, приоритет тех, кто воплощает архетипы воинов, врачей и инженеров над архетипами барыг, гедонистов и «потребителей сферы услуг». Именно такая Онтология привела к прорыву человека в космос, обузданию ядерной энергии, излечению от множества болезней,

освоению и благоустройству Ойкумены, к формированию социальных государств, развитию среднего класса и на Западе, и на Востоке. Но следует осознать и то, почему мощи этой Онтологии оказалось недостаточно, чтобы предотвратить торжество рецидивов деградации и упадка.

Новейшая онтология миропорядка должна, при всём критическом отношении к предшествующим картинам мира, вобрать в себя жизнеспособные черты Ньютоновой и Марксовской онтологий. Только так она опрокинет онтологию искусственного хаоса, в которую выродилась мощная и позитивная онтология «Полдня XX века» (в смысле приручения алхимии, в том числе, денежной эмиссии на благо человека, что было в СССР 1930–1950-х годов и что практикуется в современном Китае).

Эскиз этой онтологии можно найти в русской литературе, науке, искусстве, отличающихся своим принципом «всемирной отзывчивости», как это выразил Достоевский. Для целей этой работы и в качестве рабочей гипотезы, вслед за волнами Кондратьева, Арриги, назовём этот феномен «волнами (циклами) Глазьева». Речь идёт о циклах русской истории, в которых надо найти смысл, чтобы сегодня начать новый, благодатный для России и мира цикл. Как ни сложно это сделать после трети века идеологического поражения российских официальных элит и их встраивания в чужой (глобалистский) воспроизводственный контур, без субъектности ни о какой будущности речи быть не может.

Глазьев описывает «Русский цикл» так: «Эта роковая загадочность русской имперской государственности, трижды развалившейся на пике своего могущества в состоянии максимума экономической активности, потребления и благосостояния населения и дважды возродившейся в совершенно новых исторических условиях, требует своего объяснения.

¹⁹ А.И. Фурсов. Колокола истории. — М.: ИНИОН, 1996.

<...> Логика разрушения имперской государственности подобна цепной реакции высвобождения социальной энергии. Вначале размывается идеологический воспроизводственный контур, определяющий мировоззрение людей, их мотивацию и принятие существующих механизмов воспроизводства социума. Разочарование населения и, особенно, продуктивной элиты общества в официальной идеологии подрывает легитимность власти в общественном сознании, создавая предпосылки для социальной революции. Последняя направляется против главного политического ин-

ститута, связывающего государственность в единое целое: против царя и всех его родственников в Великую Смуту, против института монархии в 1917-м, против КПСС в 1991 г.

Разрушение политического воспроизводственного контура влечёт крах государственности и последующее разрушение контура воспроизводства социально-экономической системы. Лишённая правовых основ система государственного регулирования рухнет, и экономика погружается в катастрофу. Разрыв экономических воспроизводственных контуров влечёт резкое сжатие

экономической активности и прекращение инвестиций. Население теряет доходы и рабочие места, общество погружается в нищету и хаос разграбления накопленных богатств, присвоение которых новой властвующей элитой создаёт материальную основу для формирования нового социального порядка.

В этой логике саморазрушения имперской государственности остаётся один нерешённый вопрос, ответ на который может быть актуальным и в настоящее время. Это вопрос об импульсе, инициирующем разрушение политического воспроизводственного контура. Во всех трёх катастрофах российской государственности он приходил извне, многократно усиливаясь во властвующей элите соответствующей эпохи»²⁰.

С импульсом разрушения, по нашему мнению, относительно ясно: он приходит из тех структур, которые рассматривают Россию (как и Индию, Китай и остальные незападные цивилизации) как конкурента, как трофей и поле для экспансии. У внешних структур есть свои агенты и институты влияния внутри, частично действующие «вслепую». Сам репертуар российской политической субъектности за долгую историю множественен, в нём есть и внутренний прозападный вектор, активирующийся в определённых условиях. Но никакая внешняя сила никогда не могла покорить Россию без резонансного отклика её внутренней структуры. Тут достаточно много исследовано и доведено до массового и политического сознания.

А вот нерешённый вопрос таков: **откуда приходит импульс спасения**, запуска того чуда, которое сохраняет нашу страну на кромке распада, ухода в небытие, — откуда он берётся и как он преодолевает импульс разрушения, который, казалось бы, уже победил и подчинил своему тлетворному влиянию элиты и население? У С. Глазьева этот импульс, примени-

²⁰ С.Ю. Глазьев. За горизонтом конца истории. – М.: Проспект, 2021.

тельно к нынешней ситуации, связан с необходимостью встраивания России в «ядро» нового (интегрального) мирохозяйственного уклада (МХУ), который формируется на Востоке (прежде всего в Китае). И раньше Россия заимствовала идеи, институты и технологии модернизации у старых лидеров: у Орды при А. Невском, Нидерландов при Петре Первом, США при Сталине и позже.

В Петровскую модернизацию яростно заимствовали технологии передового на то время Голландского цикла накопления капитала (или торгового МХУ по Глазьеву) — пушки, корабельные технологии, мануфактуры, попутно — бытовые стереотипы. В 1930-е СССР заимствовал технологии и институты передового на тот момент имперского МХУ — электростанции и заводы по проектам США, фордизм (НОТ), вертикальную интеграцию. СССР не просто взял, но существенно улучшил и облагородил «заморские» технологии и институты: если индустрия, то самая передовая (авиация, космос, атомный комплекс); если всеобщее среднее образование, то на базе всей мировой и российской культуры; если своя «фабрика грёз», то не боевики лишь, а музыкальные комедии и драмы о народной жизни. Многие

было впервые в мировой истории. Например, система планирования, которой исполнилось в 2021 году 100 лет. Юбилей прошел тихо, хотя 60-летие первого полёта человека в космос получило медийный резонанс. Но и Гагарин, и Королёв — это символы советского проекта и советской плановой системы.

Но этот ответ (в принципе верный) о саморазвитии потенциала созидания — ответ не на тот вопрос: когда импульс спасения уже есть, он реализуется в идеологических, политических, нормативных и экономических контурах. Но он должен сначала появиться!

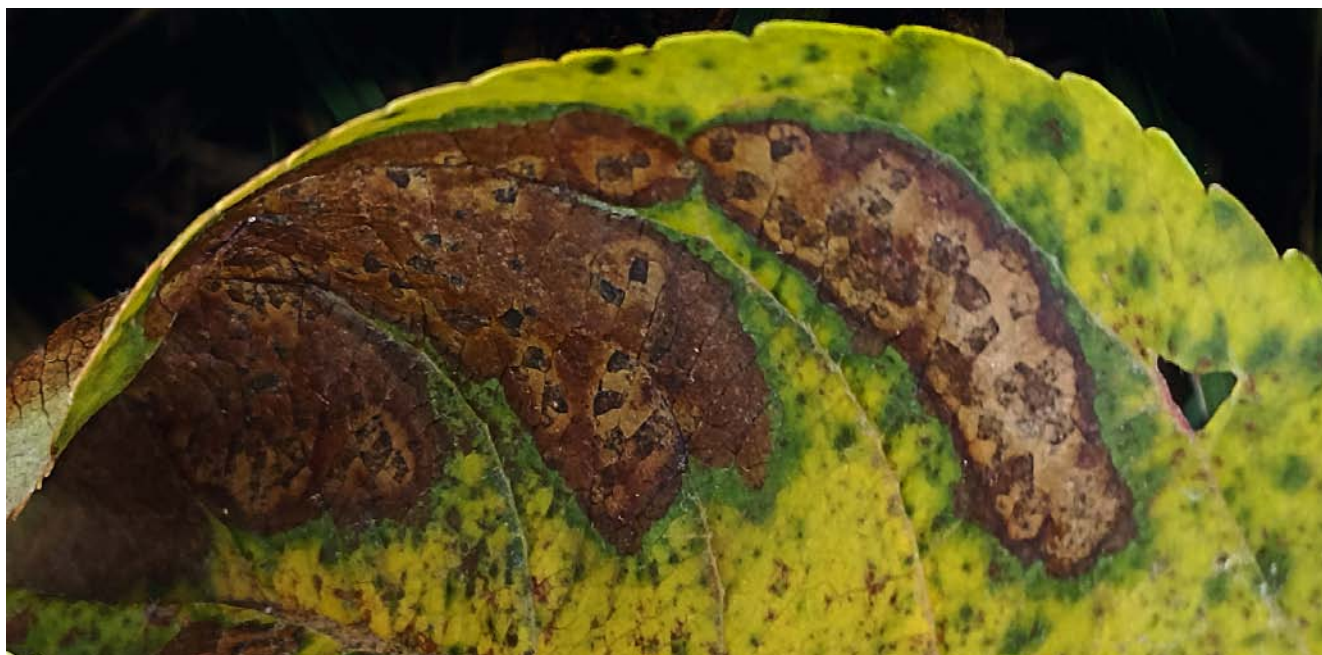
Импульс запускается в идеологическом контуре, когда разрушены уже все остальные (кроме семейно-родового). Идея народного ополчения Минина и Пожарского, идея нового (справедливого) мироустройства и нового (гармоничного) человека 1920–1930 гг., идеи обеих Отечественных войн — всё это рождалось в Космосе социальной жизни, а потом становилось мировоззрением и образом жизни «маленького человека», каждый из которых мог проявить себя как «большой человек».

И все же вопрос сложнее: если нет уже никаких «скреп», разрушены все контуры, кроме «биовыживательно-

го» (родового), — откуда возникает идея, «которая овладевает массами»?

Строго говоря, она рождается в «точке сингулярности»: когда всё социальное устройство схлопнуто до точки семьи/общины — именно там возникает уровень давления, необходимый для «большого взрыва» социальной вселенной. Это — давление сверхмощного сжатия («взрыва, направленного вовнутрь»), аналогично тому, как запускается «обжатием» взрывчатки цепная реакция в атомной бомбе. «Критическая масса» накопленной социальной энергии и пассионариев должна быть, иначе пассионарного взрыва не будет. Взрывателем же служит личность или небольшая группа единомышленников, пассионариев.

Так было и до циклов русской истории — в истории всемирной: личности Александра Македонского или Чингисхана, Тамерлана, Наполеона, Ф. Рузвельта, Черчилля или Мао являлись в нужное время в нужном месте. Без них не было бы империй и учений, изменивших ход истории. Парадокс «точки бифуркации», в которой рождается пассионарный взрыв, в том, что идея рождается из самопожертвования или жертвы: единственный оставшийся семейно-родовой контур социума *вдруг*

«решает» из биовыживательного стать мироспасительным.

Так, Христос не вышел к родным (включая мать), сказав, что Бог и церковь для него семья; Минин со товарищи заложил родных, собирая средства на ополчение; Сталин во время войны ставил интересы страны выше родственных связей («Я солдата на генерала не меняю») и т.д. Видимо, нет другого «детонатора» в социальной ядерной реакции — только жертвенный огонь может зажечь других, переломить деструкцию и энтропию распада общества.

Но и этого ответа недостаточно: идея, которая зажигала этот запал, запускала очередной «русский цикл» не была узконациональной. *Эта идея всегда была Всемирной.*

Какая Идея может спасти нас в этот раз? Для этого вспомним, как завершался предыдущий, советский цикл, что погубило СССР.

«Почему же развалился изнутри строй «развитого социализма»?

Объяснения, исходящие из постулатов экономического детерминизма, явно недостаточны: да, Советский Союз проиграл соревнование эффективности, его дряхлеющие экономические мышцы не смогли вынести колоссальный вес военных и политических расходов. Но ведь мобилизационная экономика блестяще проявила себя в годы Второй мировой войны. Примеры Китая, Кубы, Индонезии, да и послевоенной Японии или Южной Кореи показывают, что идеологическая монолитность и однопартийная система не всегда тормозят экономическое развитие.

Что же произошло с СССР и Россией во второй половине XX века?

Россия, как и после войны 1812 года, и в 1945 г. в лице миллионов своих солдат и командиров вновь заглянула в Европу. А агрессор «вдруг» предстал не только как противник, которого надо уничтожить до руин, но и как вполне благополучные бюр-

Откуда приходит импульс спасения, запуска того чуда, которое сохраняет нашу страну на кромке распада, ухода в небытие – откуда он берётся и как он преодолевает импульс разрушения? Если нет уже никаких «скреп», разрушены все контуры, кроме «биовыживательного» (родового), – откуда возникает идея, «которая овладевает массами»? Парадокс «точки бифуркации», в которой рождается пассионарный взрыв, в том, что идея рождается из самопожертвования или жертвы: единственно оставшийся семейно-родовой контур социума вдруг «решает» из биовыживательного стать мироспасительным.

герские городки, накопленное благоустройство и очевидные социальные свободы. Механизм социального сравнения работает всегда, и всегда отражается на идеологическом климате. Тем более был неизбежен элитный конфликт в верхах победившей страны, отражающий ожидания миллионов возвращавшихся домой фронтовиков и дождавшихся их родных и близких. Речь шла о двух радикальных вызовах — затягивать ли снова пояса и заслужило ли общество после страшной войны немного большей «вольности».

Впечатления о благоустроенной западной жизни, как в Германии, так и у союзников по войне, критика которых на время союзничества сошла на нет, довольно быстро стали глушить. Начиналась новая война, надежды на глобальное сотрудничество победителей не оправдались. Но подсознательные западнические инстинкты и выражающие их архетипы в советском обществе все же проснулись: сначала в виде разрешённой любви к странам «народной демократии» и прогрессивным западным писателям, затем — в тяге к тому «обществу потребления», которое входило в наши дома вместе с трофейными фильмами, джипами и «студебекке-

рами», а затем — с крепнущим на нефтедолларах потоком импортного ширпотреба. Периоды ослабления «железного занавеса» во времена Хрущёва и разрядки также подпитывали энергию этих архетипов, стимулируя мещанские настроения.

С точки зрения самосохранения не столько даже режима, сколько системы это была, пожалуй, ключевая «ошибка» хрущёвской «оттепели» и брежневского «застоя»: провозгласив своей главной задачей «рост благосостояния советских людей» и добровольно став нефтегазовой провинцией Европы, режим проиграл Западу сознание и вкусы своих граждан... Он как бы обменивал их на качественные товары, которые доставались партхозноменклатуре и приближённым к ней категориям граждан по закрытым распределителям и иногда удачливым гражданам в торговой сети. «Режим без поданных долго не живёт»²¹.

Режим перестал понимать общество, которым управлял, — заменив процедуры управления симулякрами (сусловская схоластическая идеология), он не обладал ни гносеологией познания современного мира, общества и человека, ни адекватной

²¹ Д.А. Митяев. Среднесрочные сценарии государственной и корпоративной политики в условиях саморазрушения финансовой системы страны и возврата к мобилизационной модели развития. Аналитический доклад. — М., РТФС, 1998 г.

***Как выйти из системы, несущейся в пропасть?
Первые шаги очевидны: выйти за красные
«флажки» мейнстримов обществознания.
Этого мало — нужен доктринальный возврат
к историческому оптимизму, а не одно
лишь противостояние деструктивным
(депопуляционным) доктринам. Нужен возврат
к жажде жизни и познания, осознание потребности
в творческом преобразовании мира и природы
человека. Это было присуще всем повышательным
волнам предыдущих эпох «бурных перемен».***

онтологией, по сути, отказавшись от Марковского (революционного) метода и Марксовой (динамической) картины мира и вернувшись к Ньютоновской онтологии (равновесие любой ценой) и к средневековой схоластике как методу защиты догматики. И он оказался беззащитен перед идеологией «открытого общества», магической картиной мира, в которой демократия и ширпотреб валяются нам под ноги прямо из СМИ и Рынка. Онтологию съела онкология потребительского верхоглядства.

Нетрудно показать, что неоллиберальная идеология (в развитом виде сегодня на Западе — доктрина неоконцов) является реинкарнацией троцкистской идеи «перманентной революции», тогда как исторически альтернативная троцкизму сталинская идея «построения социализма в отдельной стране» (как творческая неомарксистская доктрина) своего развития не получила. Сталинская экономическая, научно-технологическая и социальная модель была демонтирована, вслед за развенчанием «культы личности». Это было низвержение не только личности Сталина, но и архетипа личности советского человека как творца и защитника справедливости. Денежная реформа 1961 года привязала на деле рубль к доллару при его одновременной девальвации в 2,5 раза, способствовала встраиванию советской экономики в мировую. Она фактически реставрировала денежный порядок

царской России времён Витте. «Реформа Косыгина» заменила единый народнохозяйственный организм, который имел целью минимизацию общей себестоимости и максимизацию общегосударственной полезности, мотивацией хозрасчета, стимулировала погоню предприятий за прибылью. А дальше сработал закон падающей производительности испорченной модели с постепенным падением общей эффективности и динамизма народного хозяйства. В итоге всё вернулось на круги своя, и вовсе не в НЭП, а в рыночные стихии первоначального накопления капитала. Только опираясь на советское наследство и на внешнюю инфраструктуру, оказалось возможным молниеносно соорудить монопольный капитализм.

Последняя попытка обновления системы управления — разработка в середине 1980-х годов Комплексной программы НТП — опиралась на мощь АН СССР и остатки народнохозяйственного подхода в Госплане СССР. Но кому она была уже нужна? Кто мог её воплотить в жизнь? У партхозноменклатуры были уже другие интересы, связи и ценности.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Как выйти из системы, несущейся в пропасть? Сначала требуется ментальное усилие, осознание реальных проблем и представлений о мире и возможностях его изменения. Само

это осознание происходит по правилам восприятия и игры. Играя по чужим правилам — заведомо проигрываешь.

Как построить своё понимание мира и свой метод его познания и формирования таким образом, чтобы Россия в этом мире не только сохранилась, но и была «краеугольным камнем» (одним из) миротворения, сохранив при этом присущую ей историческую скромность (небахвальство)?

Первые шаги очевидны: выйти за красные «флажки» мейнстримов обществознания. Этого мало — нужен доктринальный возврат к историческому оптимизму, а не одно лишь противостояние деструктивным (депопуляционным) доктринам. Нужен возврат к жажде жизни и познания, осознание потребности в творческом преобразовании мира и природы человека. Это было присуще всем повышательным волнам предыдущих эпох «бурных перемен».

Сформулируем предварительные краткие итоги нашей попытки синтеза постулатов (аксиом) Нового обществознания. Не предпрещая умозаключения, сделаем это в форме «императивов» (вызовов).

Во-первых, **вызов масштаба перемен**. Мир меняется необратимо — завершается 500-летняя история капитализма. Исторически успешные попытки выхода за его флажки (советская, китайская, скандинавская и другие), как и провалы (фашизм и неолиберализм), должны быть переосмыслены и превращены в «образ будущего» — альтернативный к образу «инклюзивного капитализма». Высказанная ранее С. Глазьевым идея «социально-консервативного синтеза», близкая модели «православного социализма» и «исламской экономики», нуждается в наполнении с учётом актуальной повестки дня. Эта идея (как и представления о цикличности институционального и технологического развития вообще и «русского цикла» в особенности) может стать «зерном» искомой онтологии мира, в котором свободное развитие каж-

дого является условием свободного развития всех». П. Сорокин предложил концепт «интегрального строя», соединяющего в себе позитивные элементы как социалистического, так и предпринимательского строя. И этот концепт не тождественен теории конвергенции двух систем. Масштаб перемен действительно эпохален. И отличие от прежних времён перемен — они всеохватны.

Во-вторых, **вызов сложности задачи**. Построение новой стройной научной картины мира должно, с одной стороны, опираться на достижения Ньютоновой и Марксовой онтологий, а с другой стороны, стать позитивной альтернативой неолиберальной (алхимической, постмодернистской и в итоге — химерической) доктрины «инклюзивного капитализма», восходящей в конечном счёте к архаичной догматике «золотого тельца». Критерием успешности построения новой (альтернативной) картины мира будет включение в неё Ньютоновой и Марксовой онтологий как частных случаев (применимых к отдельным стадиям исторического цикла) и действенная система доказательств «вырождённости» (ненаучности) алхимической (неомагической) картины мира. Речь идёт о битве парадигм.

В-третьих, **вызов технологической реализации**. Новое общество-

ведение (как часть новой онтологии) должно овладеть методами изучения и формирования социума и человека, которые не уступают уровню сложности технологий и институтов нового технологического и мирохозяйственного укладов.

В-четвёртых, **вызов «овладения умами»**. Новая парадигма представит не только как самая современная конфигурация научных построений, но и как мировоззренческая модель и популярная идеология. Она должна быть понята и принята и умом, и сердцем большинства людей в России и мире. Главное — импульс спасения должен быть понят, воспринят и принят большинством как путеводная звезда, то есть как обнадеживающая и вдохновляющая идеология, в годину тяжких испытаний. Зарницы этих испытаний разве ещё не видны?

В-пятых, **вызов поиска и формирования коалиции социальных сил реализации**. Какая бы ни была мощная (в интеллектуальном плане) картина мира и связанная с ней картина познания (модель человека), она останется кабинетным продуктом, если не будет востребована в практической деятельности. Если сто лет назад требовалась «партия нового типа», то сегодня это будет нечто иное. И это вопрос отдельной разработки, выходящий за рамки этого доклада. Но так как масштаб изменений глобален, то и соци-

альные силы реализации прогрессивной альтернативы развития должны быть не менее глобальны, чем цифровые, финансовые, медиа- и фармацевтические ТНК, что реализуют свой проект. Выявление и организация этих сил — великая задача, у которой без России нет решения. И у которой и в России пока решения нет.

Однако следует задать и самый главный вопрос: стоит ли в разгар «великого перехода» к «новому дивному миру», когда QR-коды и прочие пути повседневности стреножат сознание и социальную мобильность, заниматься парадигмой Нового обществознания? Не проще ли вспомнить — «*Не до жиру — быть бы живу!*», о каких теоретических изысканиях говорить, когда нужно срочно разбираться с вакцинированием, пособиями, зарплатами, ценами, ставками, кредитами, долгами, перевооружением...

Опыт 1917 и 1991 гг. показал, что именно те идеи и вооружённые ими социальные силы (в первом случае — большевики, во втором — либералы), которые смогли овладеть массами, победили. Чем яростнее и нелепее галоп окружающей нас действительности, тем строже и последовательнее должна быть вооружённая инструментами познания и изменения реальности «добрая воля». Помимо «доброты» наша воля должна быть светлой и «длинной».

